

**СУБЪЕКТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СКВОЗЬ ПРИЗМУ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА**

В статье анализируются существующие в науке подходы к определению круга субъектов криминалистической деятельности. В частности, характеризуется соотношение криминалистической деятельности и деятельности участников процесса в рамках уголовно-процессуального доказывания, что позволило выдвинуть предположение о необходимости расширения круга субъектов криминалистической деятельности за счет защитников, участвующих в процессе доказывания по уголовному делу.

Ключевые слова: криминалистика, уголовный процесс, соотношение, субъект криминалистической деятельности, субъект доказывания.

S.V. Bulatova

**THE SUBJECTS OF CRIMINALISTIC ACTIVITY
THROUGH THE LENS OF THE CRIMINAL-PROCEDURAL
STATUS**

The article deals with the science definitions of the subjects of criminalistics activity. On the basis of the interdisciplinary connection of the criminal process and criminal science, considers the influence of the criminal procedural status of the person on his forensic subjectivity. In particular, considers the ratio of forensic activity and the activities of the partici-

pants in the process in the framework of criminal procedural proof, which makes it possible to propose to expand the range of subjects of criminalistics activity at the expense of persons influencing the process of proving in the criminal case.

Keywords: criminalistics, criminal process, correlation, subject of criminal activity, subject of proof.

Право, тесно связанное с постоянно изменяющимися реалиями общественной жизни, в сущности своей является материей нестабильной, динамично меняющейся. Уголовно-процессуальное право, как часть общей системы права, не является исключением. Динамика его изменений обусловлена, как человеческой природой, проявляющейся в склонности к преступной деятельности, так и в стремлении государства к ее пресечению в рамках строго установленной процедуры.

Как целостная структура, право не может изменяться в одной его части, поэтому «колебание» в одной отрасли знания вызывает динамику в любой другой. Чем выше сила такого импульса изменений, тем острее проявляются межпредметные связи наук. В этом ключе невозможно отрицать, что уголовный процесс во всех своих проявлениях влияет на науку криминалистическую, и наоборот.

Эта взаимосвязь, по нашему мнению, наглядно прослеживается при смене типа уголовного процесса. При этом речь идет о типологии сравнительно-исторической, в которой традиционно выделяются частно-обвинительный, розыскной, состязательный и смешанный типы [1, с. 18].

Изменение типа процесса, имеющее в основе трансформацию содержания правового статуса его участников, непременно влечет изменение процессуальных пределов криминалистической деятельности, которая, в свою очередь, традиционно рассматривается в

предметной сфере криминалистики. При этом, в нашем представлении, она включает в себе деятельность противоположную криминальной, направленную на установление истины в уголовном процессе криминалистическими средствами.

В этой связи необходимо отметить, что в науке устоялось определение криминалистической деятельности в качестве деятельности по расследованию преступлений [2, с. 23], что представляется не совсем точным, в связи с предельной конкретизацией формулировки, исключающей возможность установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, субъектами, не уполномоченными на его расследование. Мы же считаем, что их установление является базисной целью, свойственной каждому субъекту уголовного процесса, как некоего единого, целостного явления. И потому любая деятельность в рамках уголовного дела, независимо от процессуальной функции осуществляющего ее лица, направлена на достижение этой цели – установление действительных (истинных) обстоятельств совершения преступления.

В процессуальном же смысле, по нашему мнению, криминалистическая деятельность наиболее близка к доказыванию, и, в сущности, реализуется в нем. Из этого логически следует, что круг субъектов, ее осуществляющих, определяется наличием у него права на доказывание, то есть, в первую очередь, на собирание доказательств. Как уже отмечалось, традиционно в науке к субъектам криминалистической деятельности, в основном, относятся лица, осуществляющие расследование преступлений – уполномоченные на то следователи (дознаватели), и таким образом деятельность эта имеет сугубо правоохранительный характер. Мы в свою очередь, считаем, что выделение только такого критерия ошибочно и является скорее отражением существующих правовых реалий, а не универсальным подходом. Такая позиция, в частности, высказывалась И.А. Возгриным, ко-

торый писал, что «цель отечественной криминалистики также должна состоять не только в оказании содействия правоохранительным органам в борьбе с преступностью, но и в обеспечении своими разработками и рекомендациями защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод» [3, с. 18].

Многие другие ученые-криминалисты разделяют эту позицию, что позволяет говорить о сложившемся в теории представлении о суде, как о субъекте криминалистики [4, с. 29; 5, с. 13]. С одной стороны суд «правоохранительную деятельность» не осуществляет, реализует функцию разрешения дела самостоятельно, действует независимо, следовательно, к органам исполнительным - правоохранительным относиться не может [6, с. 45]. С другой стороны, мы признаем, что само действующее законодательство стирает эту грань, наделяя суды правом производства ряда процессуальных действий, которые ранее органом расследования не проводились (осмотр местности и помещений, следственный эксперимент, предъявление для опознания, освидетельствование).

На наш взгляд, суд признается субъектом криминалистики за счет содержания его уголовно-процессуального статуса, а не процессуальной функции. При этом необходимо отметить, что одним из основных аргументов в обоснование этой позиции выступает наличие у суда права на собирание доказательств.

В таком случае более предпочтительным видится выделение менее конкретного, адаптированного ко всем грядущим изменениям законодательства критерия по отнесению того или иного участника уголовного судопроизводства к субъекту криминалистической деятельности: наличие права на осуществление доказывания. При этом мы предполагаем именно право, как характеристику универсальную, а не обязанность, свойственную обвинению. Таким образом, в нашем

понимании, субъект криминалистической деятельности может быть соотнесен с субъектом доказывания, круг которых нормативно устанавливается уголовно-процессуальным законом.

При таком подходе становится очевидной необходимость рассмотрения взаимосвязи криминалистики и науки уголовного процесса, предполагая последнюю как науку материнскую, через призму субъектов криминалистики и субъектов уголовно-процессуальной деятельности. Такое углубленное исследование позволит уточнить наши знания о взаимосвязи предметов наук. Речь здесь идет о тех процессуальных границах, в которых криминалистическая наука имеет практическую реализацию, в том числе определяющую направления дальнейших теоретических исследований.

Уголовный процесс имеет характер нормативный и по большей части своей императивный, что отличает его от криминалистики, обладающей в процессуальных границах относительной диспозитивностью. И потому, по нашему мнению, при решении вопросов, составляющих парадигму криминалистической науки, необходимо первоначальное установление этих процессуальных границ, устанавливаемых правовыми нормами.

В этом ключе интересен вопрос о субъектах, способных в традиционной теории криминалистики на осуществления криминалистической деятельности и чья деятельность соответственно относится к предмету науки, и участникам уголовного судопроизводства, условно, исходя из норм права, обладающих свойствами и характеристиками таких субъектов, но не относимых к ним.

Вернемся к тезису о том, что условно в теории криминалистической деятельностью определяется деятельность стороны обвинения в лице профессиональных субъектов. И таким образом правоохранительные органы признаются монополистами в непосредственном применении составляющих эту деятельность способов и средств. То-

гда как иные участники, по весьма распространенному взгляду, способны только применять эти криминалистические наработки в своей деятельности.

При этом в обоснование этого разграничения, как правило, приводится довод о специфике самой науке, находящейся «на переднем рубеже борьбы с преступностью» [7, с. 27].

Однако, мы не считаем такую мотивацию достаточной в силу некой субъективности данного подхода, противоречащего верному, на наш взгляд, подходу о необходимости установления истины в уголовном судопроизводстве. Как нам видится, несправедливо резюмируется, что в установлении ее заинтересованы исключительно субъекты правоохранительные, то есть сторона обвинения, по нынешнему законодательству, собирающая доказательства. Справедливости ради отметим, что данная точка зрения имеет право на существование и объективно соответствует нынешнему уголовному процессу. Поскольку последний многими учеными характеризуется как смешанный (И.Я. Фойницкий, Ю.К. Якимович и др.) [8]. И эта смешанность, в том числе исходит из правовой неравнозначности участников процесса в зависимости от функции ими осуществляемой.

Однако невозможно отрицать существующую тенденцию (хотя и слабо выраженную) перехода российского уголовного процесса к состязательному, в котором современный господствующий взгляд на предмет криминалистики будет выглядеть несколько ограниченным.

Необходимо выделение объективных критериев, которые могли бы сохранять свою значимость вне зависимости от продолжающихся уточнений и корректировок уголовного судопроизводства. Подобный подход актуален, в связи с длительностью реформирования уголовно-процессуального законодательства, имеющего направленность на установление баланса возможностей сторон, формально и без того провозглашенных равноправными.

Повторим, что мы предлагаем среди возможного перечня таких критериев первостепенно обращать внимание на наличие права на осуществление доказывания. При этом подразумеваем реальные процессуальные возможности, в первую очередь, для собирания доказательств, что особенно важно с криминалистической точки зрения. И как указывалось ранее, речь идет именно о праве, а не обязанности, что не исключает саму возможность рассмотрения стороны защиты в качестве субъекта криминалистической деятельности, предполагая дальнейший переход от процесса обвинительного к истинно состязательному.

В настоящее время в УПК РФ отдано абсолютное предпочтение стороне обвинения в процессе доказывания, обязывая ее на совершении действий по собиранию, проверке и оценке доказательств. Тогда как сторона защиты наделяется скорее правом инициативы, обращения за проведением действий, направленных на получение предполагаемых доказательств уполномоченным субъектом. И именно этим обусловлено непризнание криминалистической деятельности иных субъектов в качестве криминалистической.

Таким образом, приходится констатировать, что в настоящее время наиболее распространена точка зрения о том, что криминалистическая деятельность осуществляется участниками, уполномоченными на раскрытие, расследование и судебное исследование преступлений [9, с. 84], как единственными властными участниками уголовного процесса.

В целом разделяя эту позицию, считаем ее излишне формализованной и консервативной. Принятие ее возможно с оговоркой сохранения общего представления, что властные участники уголовного судопроизводства осуществляют криминалистическую деятельность, не потому что сами по себе обладают некой специфичностью, а потому что на данный момент только за ними закон закрепляет такую воз-

возможность. Существующее детальное исследование криминалистической деятельности именно органов дознания, следствия и суда обосновывается самой ее необходимостью в связи с их более широкими властными полномочиями.

Как уже отмечалось, право характеризуется неустойчивостью, динамикой. Во избежание кризиса в теории криминалистической науки при существенной смене уголовно-процессуального законодательства, в частности, в свете тенденции перехода его к состязательному, уже кажется необходимым пересмотр некоторых ее положений в сторону их корректировки [10]. Необходимо двигаться в сторону не установления конкретного круга субъектов, исходя, к примеру, из их «обвинительной» функции, а выработать критерии субъектности, подразумевающие обладание процессуальными правами и реальными возможностями в процессе доказывания. В связи с чем, в числе субъектов криминалистики должны обозначаться все субъекты, имеющие право на осуществление доказывания в уголовно-процессуальном смысле, хотя и с некоторыми оговорками.

В числе «основной оговорки» вопрос о полномочиях защиты по собиранию доказательств. Формально, согласно ч. 3 ст. 86 УПК РФ защитник «вправе собирать доказательства» путем истребования и получения предметов, документов, иных сведений, опроса лиц. Поскольку доказательствами, хотя и признаются любые сведения, в ч. 1 ст. 74 УПК РФ указано, что устанавливает их «суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном» уголовно-процессуальным законодательством. Существующее противоречие в законе позволило сформулировать концепцию, суть которой в том, что сведения, получаемые защитником, могут стать доказательством, только после их соответствующей проверки уполномоченным участником уголовного процесса, обладающим властными полномочиями.

Несмотря на это, формально, защитник наделен правом собирать доказательства, следовательно, может и должен включаться в число субъектов криминалистической деятельности. Обоснование изложенной точки зрения представляется актуальной научной проблемой, требующей своего решения.

Список использованной литературы

1. Уголовный процесс: учебник для бакалавриата юридических вузов / О.И. Андреева [и др.] ; под ред. О.И. Андреевой, А.Д. Назарова, Н.Г. Стойко, А.Г. Тузова. – Ростов н/Д. : Феникс, 2015. – 567 с.

2. Драпкин Л.Я. Криминалистика: учебник для бакалавров / Л.Я. Драпкин. М. : Юрайт, 2016. – 831 с.

3. Возгин И.А. Актуальные проблемы современной отечественной криминалистики / И.А. Возгин // Актуальные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства и криминалистики : сб. ст. : в 3 ч. – Ч. 2 : Вопросы современной криминалистики. – М. : Академия управления МВД России, 2004. – С. 16–20.

4. Ароцкер Л.Е. Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве уголовных дел / Л.Е. Ароцкер. – М. : Юридическая литература, 1964 . – 223 с.

5. Андрющенко Т.И. Суд как субъект доказывания в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Т.И. Андрющенко. – Ростов н/Д., 2012. – 25 с.

6. Цурлуй О.Ю. Субъекты криминалистической тактики / О.Ю. Цурлуй // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2015. – № 2. – С. 43–48.

7. Смахтин Е.В. Криминалистика: кризис или необходимость уточнения содержания предмета? / Е.В. Смахтин // Российское право: образование, практика, наука. – 2017. – № 5 (101). – С. 26–32.

8. Якимович Ю.К. Избранные труды / Ю.К. Якимович. – СПб. : Юридический центр-Пресс, 2011. – 970 с.

9. Курс криминалистики: Общая теория криминалистики : в 3 т. / Белкин Р.С. - М.: Юристъ, 1997. – Т. 1. – 408 с.

10. Баев О.Я. Самоидентификация современной криминалистики (объект, предмет, субъектная система современной науки криминалистики) / О.Я. Баев // Библиотека криминалиста. – 2012. – Вып. 4 (5). – С. 308–323.